

АРХИТЕКТУРА ВЛАСТИ КУЗНЕЦКА – СТАЛИНСКА – НОВОКУЗНЕЦКА

Характерной чертой архитектуры зданий власти является отражение в ней государственной политики, выражающей особенности определённого этапа в развитии города Новокузнецка и показывающей его специфичность, неповторимость.

Традиционно архитектура является самым политическим видом искусства. Если во всех иных видах искусства параллельно с официально признаваемыми направлениями всегда существуют альтернативные, подпольные, протестные, то лишь в зодчестве они принципиально невозможны: во-первых, из-за дороговизны его произведений, а во-вторых, из-за физической невыполнимости вынести «подпольный» проект в натуре. Поэтому российская и советская архитектура неизменно отражала стиль власти, причём наиболее яркое выражение это явление находило, разумеется, в зданиях, построенных для размещения самих органов власти.

Исторически первым каменным административным зданием города и Кузбасса в целом стало сохранившееся до наших дней Уездное казначейство (ул. Народная, д. 1) на Базарной (ныне Советской) площади. Построил его в 1780 г. иркутский каменщик Почекунин по заказу купца Ивана Дмитриевича Муратова после возведения в 1773–1778 гг. Одигитриевской церкви. В одном с храмом стиле сибирского барокко был возведён и особняк – кирпичный оштукатуренный, с высоким подклётом и остроугольной ярко-зелёной крышей. Квадратные полуколонны-пилястры по краям здания, карниз с восемью уступами, поясок чуть ниже уровня первого этажа и фигурные кирпичные наличники окон – налицо все характерные черты процветавшего тогда в столице Восточной Сибири Иркутске стиля. Планировка же дома незамысловата и рациональна: та же изба-пятистенка, что ставили издавна в русских сёлах. По четыре окна с длинных сторон и по три – с коротких. Казначейство удивительно напоминает приказную избу того же XVIII века в Вятке, что является важной достопримечательностью современного Кирова. Впрочем, удивительного в этом как раз нет, так как строительные тради-

ции именно Русского Севера оказали решающее влияние на сибирское зодчество той эпохи.

Обитал, впрочем, купец в этом доме недолго: уже через два года продал его за 2000 рублей под уездное казначейство. Тогдашний рубль был не чета нынешнему, и сумма эта отнюдь не была смехотворно мала (по архивным данным, за 1772 г. кузнецкий воевода получил 1850 рублей). Но фактически это и был весь годовой бюджет чиновников города. Первым уездным казначеем города Кузнецка Колыванской губернии стал коллежский протоколист Николай Алтухов. Последним, уже при кузнецком совдепе, – ссыльный революционер Виктор Обнорский. В казначейство в XIX в. «подселяли» окружной суд и меняли планировку, а вместо оригинального высокого шатра из тёса здание в 1864 г. получило невысокую железную крышу, а к северному фасаду пристроили каменные сени с высокой лестницей. К этому времени относится и любопытная деталь на западном фасаде дома: одно из больших окон было заложено кирпичом, но в самом низу оставили малюсенькое оконце. Это – своего рода предшественник современной службы «одного окна»: к нему была пристроена деревянная лестница, и именно через эту «дырку» власть общалась с народом. Конкретно: тот самый «елистратишко» – коллежский регистратор – принимал от простонародья прошения, после рассмотрения выдавал приказы, а по большей части просто отправлял восвояси.

В дальнейшем, вплоть до 1917 г., власть Кузнецка в качестве основного места дислокации использовала Фрололаврскую улицу (она же Большая, позже – Полицейская, а с 1901 г. и поныне – Достоевского). Улица Достоевского, посреди которой возвышалась управа, издавна считалась самой, если так можно выразиться, аристократической улицей города: здесь селились самые богатые горожане. Своё первоначальное имя – Фрололаврская – улица получила по часовне Святых Фрола и Лавра на месте разрушенной Большой крепостной башни. Поскольку эти святые считались покровителями животных, в той часовне освящали лошадей. Со временем главная улица района приобрела и «властные полномочия». Указом от 9 июня 1878 г. в станах Кузнецкого уезда появились помощники станового пристава – становые урядники. В волостях по-прежнему были сходы десятидворников во главе с волостным старшиной. Теперь сходу дали право ежегодно избирать волостной суд из 4–12 судей. Он занимался тяжбами по искам до 100 рублей (до 1889 г.) и позже до 300 рублей, а также мелкими уголовными делами. И все эти

службы разместились именно здесь, на Флоролаврской улице, в построенной в 1877 г. двухэтажной городской управе с полицейским управлением и домом пожарной команды. Деревянное двухэтажное здание кузнецкой городской управы с возвышавшейся над ним башней пожарной каланчи было одним из достопримечательностей Подгорья.

Хотя ратушу взамен бурмистерской избы в Кузнецке полагалось учредить ещё в 1723 г., с этим новшеством опоздали на 57 лет. Так что город оставался без местного самоуправления, чиновников которого, впрочем, следовало выбирать не из всего населения, а из «граждан первостатейных, добрых, пожиточных и умных». Соответственно город и уезд так и не были разделены по управлению, а про должность земского комиссара с земской канцелярией из подъячих, солдат и рассыльных здесь так и не услышали. Такой отказ от петровских реформ объяснялся слишком малой численностью Кузнецкого дистрикта – 700 дворов при норме 1500–2000.

В 1780 г. в Кузнецком уезде были учреждены и стали действовать сразу три разных суда: уездный – для немногочисленного дворянства, городская ратуша – для горожан и нижняя расправа – для крестьян. Существовал и Сиротский суд в составе городского головы, членов ратуши и старост. Его задача как органа опеки состояла в сохранении собственности вдов, малолетних и «промотчиков состояния». Заново свои коллегиальные учреждения (присутствия) Кузнецк получил в 1804 г., когда он был причислен к разряду окружных городов среднего размера. Город обзавёлся ратушей, сиротским и словесным судами и квартирной комиссией. Кроме того, до 1826 г. Кузнецк считался по-прежнему крепостью, где размещался военный гарнизон, независимый от городского самоуправления.

В 1876 г. по всей империи началась земская реформа. Первый на Кузнецкой земле представительный орган местного самоуправления – Городская дума – был избран в 1876 г. в Мариинске. В Кузнецке же реформа натолкнулась на... отсутствие подходящего помещения: здание окружного казначейства было занято судом, а остальные достойные здания были домами купцов и училищем. И строить было не из чего – своего кирпича в Кузнецке не делали – везли издалека. Можно было бы занять помещения ликвидированных с введением думы и управы в Кузнецке ратуши и квартирной комиссии, сиротского и словесного судов, но они сами размещались где попало. И единственным выходом из такого конфуза стало решение срочно строить для думы не каменное, а деревянное здание на главной (Флоролаврской) улице.

А для придания ему пышности предполагалось возвести над крышей башню – пожарную каланчу с курантами. Поскольку тощий городской бюджет не позволял одновременно возвести и думу, и городскую управу (орган исполнительной власти), то обе ветви власти решено было разместить вместе, но на разных этажах, присовокупив к ним полицейское управление в составе пристава, трёх околоточных и шести городских, а также восемнадцати пожарников.

Вот так в 1877 г. на Флоролаврской, по случаю переименованной в Полицейскую, и была построена деревянная двухэтажная городская управа с полицейским управлением и домом пожарной команды. Бревенчатое здание с двумя рядами по шесть окон на фасаде и довольно скромными наличниками, железной крышей и палисадом выглядело бы неказисто, если бы не выроставшая из крыши деревянная башня с круговой смотровой площадкой и шпилем, над которым по праздникам поднимали флаг. Поскольку курантов так и не установили, их функцию выполнял дежурный пожарник, бивший в полдень и каждые шесть часов в колокол. От проезжей части управу ограждал высокий палисад с рядом берёз. Со двора же был пристроен навес для «служебного транспорта» – лошадей – с заправкой в виде сеного овина.

Городскую думу кузнецкие избирали на четырёхлетний срок, но первые выборы 1876 г. вышли комом, большинство горожан их просто проигнорировали. Из 369 человек, имевших имущественный ценз, в голосовании приняли участие всего 38 (10,3 % избирателей), что можно назвать, очевидно, самой низкой в истории Кузбасса явкой избирателей. Впрочем, в других городах нашей губернии народ тоже «голосовал ногами»: в Барнауле из 1370 человек, имевших право выбирать, на участки пришёл только 51 человек (меньше 4 %), в Колывани из 646 избирателей – 270, в Бийске из 873 – лишь 59 человек (6,7 %). В первую городскую думу Кузнецка были избраны 30 гласных (депутатов): 6 чиновников, 14 мещан, 9 купцов и один «прочий». Ни один из них не имел высшего образования, средним могли похвастаться только трое, низшим (начальным) обладали восемь избранных, домашним – 14, а пятеро были вовсе безграмотны.

За свой первый год работы – 1887-й – наша дума провела 16 заседаний, причём лишь семеро депутатов приняли участие во всех. Средняя явка была лишь 10 человек, и зачастую сессии срывались из-за отсутствия кворума. Что немудрено: тогдашние народные избранники жили не коррупцией, а простым трудом – покосами да пчёлами. Первым секретарём (председателем)

гордумы Кузнецка, пребывавшим в этой должности все 1870–1880-е гг., стал господин Фурс.

Городская управа состояла из трёх чиновников: головы и двух помощников. Первым городским головой Кузнецка на четырёхлетний срок был избран купец Конюхов, вторым – купец Медников, два срока головой был тоже купец, а позже золотопромышленник Степан Егорович Попов. Деятельность городской думы, в основном, касалась утверждения городских бюджетов. И у горожан, проигнорировавших выборы вовсе или избравших не учёных грамоте депутатов, была причина пригорюниться: за восемь лет, с 1880 по 1888 гг., доходы Кузнецка не только не выросли, но упали с 8818 рублей до 7867. Бюджет Кузнецка был профицитный, и за те же восемь лет вырос с 6853 до 7851 рубля. Из них на содержание полиции уходило 443 и 502 рублей соответственно, на пожарную часть – 823 и 1290, на судебную часть – 600 и 300, на тюрьму – 426 и 517, на военное ведомство – 1483 и 1575, на городское управление – 1988 и 1991, на благоустройство – 282 и 845, на народное образование – 450 и 647, на медицину – 50 и 50 рублей (в последнем случае сумма не менялась, так как вся до копейки уходила на содержание одной и той же повивальной бабки), на пенсии и пособия для престарелых полицейских, духовенства и учителей – 100 и 260 рублей и на чрезвычайные ситуации – 18 и 30 рублей.

Советская власть, покончившая и с думой, и с управой, и с самим двухэтажным зданием с каланчой на улице Достоевского, изначально обосновалась в Народном доме имени Пушкина. Он был открыт в 1906 г. на Нагорной (позже Народной) улице, сразу за зданием уездного училища, спустя 20 лет после открытия 12 сентября 1886 г. первого в России нижегородского Народного дома. Началось всё с празднования столетнего юбилея А. С. Пушкина в 1899 г. На улице Нагорной решено было выделить участок земли под постройку здания для общественной библиотеки. Затем решение о постройке приобрело другие очертания: устроить чайную, а при ней аудиторию для «просветительских мероприятий». А чтобы чайная не превратилась в обычный кабак, воплотить идею в жизнь взялось уездное попечительство о народной трезвости. Строили дом всем миром на народные деньги. Довольно крупные взносы делали купцы и золотопромышленники. По рассказам старожилов, записанным краеведом Владимиром Петровичем Девятияровым, особой щедростью отличилась Морозова, владелица маслобойного завода, гостившая в то время у родственников в Кузнецке. Не пожадничал

и золотопромышленник Попов, десять лет возглавлявший городское самоуправление. По простым же горожанам для сбора средств была пушена кружка с прорезью для монет.

Стройку возглавил мастер на все руки, столяр, плотник, стекольщик Карп Савватеевич Шмыков. Возводили дом из сосны и лиственницы. Полтораэтажный бревенчатый дом стал маленьким деревянным шедевром в стиле сибирского модерна: огромные закруглённые окна и крытый жёстью шпиль были мастерски сделаны по последней моде (целые улицы зданий в этом стиле появились тогда в Томске и Барнауле, а вскоре были созданы народные дома в Мариинске и в Анжерке). Стиль модерн просто не мог обойти стороной Кузнецк. При всей своей захолустности город имел постоянную живую связь с цветущим Томском, где на рубеже веков модерн господствовал и был представлен практически во всех своих стилистических разновидностях.

Основа архитектурной системы модерна, как известно, была заложена рационализмом кирпичного стиля и романтизмом стиля неорусского. Деревянный модерн кузнецкого «разлива» объединил формальные находки, характерные для каменных сооружений, с традициями патриархальной деревянной резьбы и плотницкого ремесла. Сложный сплав этих разных тенденций способствовал формированию тех своеобразных образцов провинциального модерна, которые поражают непосредственностью и смелостью трансформации деталей, характерных для «нового стиля».

Хотя дом и предназначался «для самого подлого народа», как выражались прежде, совсем уж простой народ визитами его не баловал. В доме стал собираться тогдашний средний класс: мещане и мелкая буржуазия. Работали кружки шахматистов-шашкистов и бильярдистов, а с 1908 г. и драматический. Сюда перебралась и основанная 17 января 1896 г. обществом попечения о народной трезвости первая в городе публичная библиотека, об открытии которой сообщила даже местная пресса: «И на нашей стороне выпал праздник. Это день открытия публичной библиотеки. Скромно прошёл праздник, немногочисленное было торжество. Но, тем не менее, это дало возможность сплотить силы нашего городка. К сожалению, библиотека не богата книгами и денежными средствами. Но надо думать, хорошему делу не дадут заглухнуть, число сочувствующих новому полезному учреждению будет увеличиваться».

После февраля 1917 г. Народный дом стал центром политической жизни Кузнецка: здесь заседала городская власть – и красные, и белые. В этом доме зародился и городской комсомол: 7 апреля 1920 г. после доклада в Народном доме представителя укома ВКП(б) Пурышева несколько молодых людей во главе с Лёней Приходько записались в комсомол. С 5 по 10 мая здесь прошла и первая уездная комсомольская конференция.

В конце 1950-х г. Народный дом зачем-то переименовали в кинотеатр имени М. И. Калинина, и власти интерес к нему утратили. Уже в 1960-е гг. он оказался, по сути, никому не нужным, кроме бедных и вечно бьющихся о глухую стену непонимания краеведов. Стыдливо названная «консервацией», заброшенность обернулась разорением. Под конец здание передали краеведческому музею, но отмечать новоселье историкам не довелось. Эпопея завершилась в 1977 г. ночным пожаром. Здание загорелось «как бы случайно». Сразу с четырёх сторон и изнутри впридачу. Виновного «как бы не нашли». До сих пор на месте маленького кузнецкого шедевра – безобразный пустырь. Первый Народный дом навсегда останется в памяти горожан в виде своего «прижизненного» макета, что красуется в краеведческом музее среди пятнадцати произведений макетного жанра. Смастерил его в 1960-е гг. самый известный художник-макетчик Константин Кузьмич Перков.

Власть Сталинска долгие годы работала в бараках на Нижней колонии, пока в 1948 г. не обрела здание, которое и поныне в народе упорно зовётся горсоветом. Это здание на проспекте Metallургов, 44 вместе со всей северной частью проспекта – лауреат премии Совета министров РСФСР за лучший проект городской застройки 1948 г. А весь проспект – воистину групповой памятник неоклассической архитектуры. Даже сейчас, испорченный так называемой наружной рекламой, аляпистой и неуместной, из стройной анфилады торжественных фронтонов превращённый в безобразную шеренгу рекламных щитов и гипсокартонных вывесок, проспект способен тем не менее вызвать почтение.

Следующим общегородским зданием для власти стал горком партии. Его приземистое, словно распластанное у площади общественных мероприятий, четырёхэтажное здание – настоящий шедевр последнего по времени архитектурного стиля советской эпохи, номенклатурного брутализма. Это только на первый взгляд горком – просто добротное и скучноватое административное здание. На самом деле это квинтэссенция партийной идеологии в архитектуре. Создали его архитекторы Юрий Журавков и Сергей Мальцев,

а также конструктор Евдокия Ерёмченко. Сам этот стиль, предполагающий сочетание больших глухих поверхностей с незначительным остеклением, использующий грубые крупные объёмы и массивность, родился неслучайно, и наша страна пришла к нему хотя и почти одновременно с Западом, но совсем иным путём. Если Запад обратился к брутализму в середине 1970-х гг., перепробовав все стили и имея высокую культуру строительства, то советской архитектуре после хрущёвского «погрома» просто-напросто ничего другого не оставалось. После выхода Постановления ЦК КПСС об устранении излишеств в архитектуре на двадцать лет исчезло не просто традиционное зодчество (это было бы полбеды) – исчезло и строительство как таковое. Выросло поколение монтажников, которые худо-бедно могли приварить друг к другу панели и приладить к ним плоские крыши. Фигурная кирпичная кладка, лепка декора, вытёсывание камня – всё это ушло в небытие. Поэтому когда партия решила, что общество уже может себе позволить некоторые излишества, оказалось, что строительные навыки утрачены.

Впрочем, вернёмся к нашему горкому. Его стиль – это тот же самый компромисс: проектировать нечто действительно изящное и гениальное не имело смысла, когда архитекторы заведомо знали, что строители строят не как в проекте, а как могут. Что, кстати, и подтвердилось при сооружении оригинальной полуовальной лестницы – трижды делали её неправильно, пока, наконец, не стали изготавливать балку-косоур прямо на месте. И то реализовать в полной мере замысел лестницы, изогнутой в нескольких плоскостях, не смогли.

Новокузнецкая парторганизация традиционно была крупнейшей в Кузбассе, что находило выражение и в камне: не только в монументах, но и в самих зданиях, из которых партия руководила общественными процессами. В начале 1960-х гг. на Пионерском проспекте был построен весьма скромный горком (ныне – сельский суд), а в конце 1960-х – начале 1970-х гг. были построены райкомы Кузнецкий (по проекту Шкрядо) и Куйбышевский (и в том, и в другом ныне размещаются районные суды). Тяжеловесные здания не блистали ни красотой, ни оригинальностью. Вернее, попытка соригинальничать с расположением окон и с интерьерами в случае с Куйбышевским райкомом имела, но привела она скорее к отрицательному результату. Многие окна смотрят буквально в никуда – в них не видно ничего, кроме соседних стен, а Г-образный зал обладает, так сказать, антиакустикой: в двух метрах от оратора не слышно даже громкого голоса.

Когда численность членов партии в городе перешагнула за 40 тысяч и ЦК дал городу ставку четвёртого секретаря, что было в диковинку, партия сказала: надо строить горком. Поскольку здания «привязывались» к количеству ответработников, горкому полагалось объёма 10–12 тысяч кубометров. Архитекторам этого показалось мало: объём прежнего здания на Пионерском проспекте составлял девять тысяч, так что стоило ли огород городить? И тогда был найден гениальный ход: решили объединить в одном здании горком партии с горкомом комсомола, где с числом ответработников всё равно никто не мог разобраться. Так что «Кузбассгражданпроект» без лишней скромности цифру удвоил и выдал на-гора проект гигантского четырёхэтажного, с внутренним двором здания в 24 тысячи кубометров. В управделами ЦК КПСС были экономичные образцы, по ним выстроили, к примеру, горком в Набережных Челнах. Но по причине их примитивности наши зодчие всячески уходили от типажа.

С оригинальным проектом главный архитектор здания Юрий Журавков и полетел в Москву. В ЦК как раз обсуждали проект Иркутского горкома: оригинальное здание предполагалось поставить на опоры. «Что-то вы слишком к небесам вознеслись, от народа, значит, оторвались», – пожурили зодчих партийные начальники и издали лютое постановление «Об архитектуре в Иркутске». Следом рассматривали новокузнецкий проект – его решили сократить до 15 тысяч кубометров (в итоге архитекторы увеличили-таки его до восемнадцати) и отправили Журавкова в Минск на ознакомление со строившимся там горкомом.

Решение № 344(3) о землеотводе под горком партии было издано 28 ноября 1979 г. На месте главным вдохновителем и советчиком стал сам первый секретарь Н. С. Ермаков. Исходили из того, что строится здание, в котором сосредоточится реальная в городе – партийная – власть, а не показухная советская. Всё здесь должно было строиться именно для удобства самой власти, а вовсе не для притока пресловутых народных масс. Именно поэтому полы здесь не бетонные, а паркетные, окна – не алюминиевые, а из цельного дуба, чего и нынешним городским капиталистам не снилось. Николай Ермаков велел строить два зала заседаний и оба – без окон, дабы ничто не отвлекало от работы, как некогда в прежнем здании брэнчавший по Пионерскому проспекту трамвай. Так получился малый зал на четвёртом этаже – его контуры представляют собой огромный карниз главного фасада.

В его отделке много светлого ясеня и шпона красного дерева. Это и есть настоящий вкус, в отличие от нынешнего гипсокартона и пластика.

Самая любопытная часть здания – круглый зал заседаний на 150 мест. Задумать такой зал в эпоху застоя было равносильно инакомыслию: для выслушивания многочасовых речей и их одобрения строились длинные прямоугольные залы (в круглом зале дремать неудобно, в нём хорошо спорить). Дальше – больше: подъём каждого ряда над предыдущим сделали небывало крутым – 30 см вместо предусмотренных СНИПами 12 см. Все присутствующие не просто видят выступающего, но сам выступающий видит каждого по поясу. Зал словно специально подоспел к эпохе споров и дискуссий. Круглая форма зала поставила перед зодчими немалую проблему. Ведь в круглом помещении звук отражается от стен и многократно повторяется, и если в храме запаздывание звука создаёт особую «неземную» атмосферу, то в зале заседаний, где всё происходит в режиме, так сказать, реального времени, он совсем ни к чему. И над вопросом акустики, равно как видимости, авторам пришлось тщательно поработать: они применили звукопоглощающие материалы и для стен (дерево и гипс), и для пола (ковровое покрытие).

Впервые в Кузбассе в зале был смонтирован убирающийся экран для кино – он выдвигался из межферменного пространства величиной в 3,5 м. Горком обзавёлся и двумя дополнительными лестницами, а также двумя неприметными выходами из здания. Это не только требование пожарников, но, прежде всего, элемент номенклатурного этикета: если в здании находятся высокопоставленные деятели, то персонал должен был пользоваться дополнительными выходами и не смущать руководство. Была запроектирована даже вертолётная площадка на крыше по примеру здания ЦК Компартии Франции, созданного гениальным Оскаром Нимейером.

В ближайшем будущем градостроительная роль бывшего горкома вырастет – по нему проходит ось симметрии запланированного ещё в начале 1970-х гг. широкого бульвара к Томи. Перед зданием планировалось разбить огромную полукруглую площадь Ленина с памятником вождю и эспланадой фонтанов. Сейчас утверждён проект планировки, по которому «луч» к реке должен быть пробит именно отсюда. Другое дело, что при нынешних высотных доминантах приземистый горком не справляется с организацией пространства, не собирает его. Поэтому по плану по бокам здания, слившись с его объёмом, должны встать 25-этажные башни.

Нынешнее главное здание города уникально. Начиная с того, что уникально место его расположения. «Бумеранг» городской мэрии и площадь перед ней с лужайками, ёлочками и цветомузыкальным фонтаном в 148 струй – это градостроительный центр Новокузнецка. Этот комплекс стоит на перекрёстке двух самых широких и длинных перспектив – проспекта Кирова и улицы Тольятти, а своей формой удивительно точно задаёт угол их пересечения. Более того – является своего рода «транспортиром» для всего Центрального района и связывает воедино необыкновенно красивый, просторный и цельный ансамбль нового центра, которым так гордятся новокузнецкие и которого так не хватает кемеровчанам. У этого уникального шестизэтажного здания три фасада. Или шесть, если смотреть и с торцов. И ещё один – если смотреть... сверху. И каждый – выгодный. Заднего двора нет. Находка чрезвычайно удачная, учитывая то, что центр города – со всех сторон.

Многие подмечают сходство новокузнецкой мэрии со штаб-квартирой ЮНЕСКО в Париже, построенной в 1957 г. в модернистском стиле. Авторы уходят от ответа на этот вопрос. Но, наверное, родство есть, тем более что здание ЮНЕСКО – признанная классика современной архитектуры, и такое заимствование совсем не грех. Оглядку на Ле Корбюзье выдают даже детали, которых у здания ЮНЕСКО нет, например, отдельно стоящие круглые башни-лифты зала заседаний. Они есть у других произведений великого француза, например, у дома-коммуны 1956 г. в Марселе. Кстати, использовал такой элемент и Оскар Нимейер в модернистской столице Бразилии городе Бразилиа – тоже в конце 1950-х гг.

Прямые аналогии связывают это здание с другим легендарным сооружением Ле Корбюзье – зданием Госкомстата на Мясницкой улице в Москве, построенным им в 1929–1936 гг. вместе с П. Жаннере и Н. Колли. Не имея возможности посетить Париж, наши зодчие именно из него почерпнули и пологие спиральные пандусы вместо лестниц, и контраст сплошного остекления со сплошь глухими торцами, и мощные столбы вместо первого этажа, на которых покоится весь массив здания. И даже первоначальный цвет несмотровых окон-пластин (коричневый) был выбран по подобию с Центральным статуправлением СССР, покрытым розово-фиолетовым туфом из Армении. Тот проект заметно опережал своё время, и французам не удалось осуществить идею «нейтрализующих» стеклянных стен, между остеклением которых следовало пропускать зимой тёплый, а летом – охлаждённый воздух. У нас эту идею воссоздать даже не пытались.

Земельный отвод под здание горисполкома был выдан 30 сентября 1976 г., начали его строить в 1979 г. по инициативе заместителя председателя горисполкома В. Н. Ситько, а завершили лишь в 1992 г. Создали его зодчие «Кузбассгражданпроекта» Л. А. Шатохин и Д. Н. Сафин. Полёт фантазии архитекторов сильно сдерживало отсутствие современных стройматериалов, но всё же было решено построить зеркальное здание с имитацией сплошного остекления. Все фасады расчленили алюминиевыми полосами: самый длинный, выходящий на ул. Кирова фасад со второго по шестой этаж – на 100 полос по вертикали и на 11 по горизонтали. Итого 1100 «клеточек». Один ряд – сплошные непрерывные окна, следующий – тоже... окна, но поверх железобетонных блоков. Зеркального стекла в эпоху дефицита всего и вся, разумеется, не было. Первые в стране тонированные светло-коричневые стёкла появились в Воронеже – там их и заказали. Установили поверх железобетона краской внутрь. Лет через семь краска начала облупляться – то тут, то там появились проплешины. И в итоге в 2003 г. ложные окна заменили на пластиковые панели зелёного цвета. Таким образом, первоначальная идея зеркального остекления не была реализована. Хотя сейчас-то как раз проблем с такого рода материалами и нет. Поначалу выбранный цвет панелей вызывал недоумение, но со временем все к нему привыкли.

Явная неудача архитекторов (а более вероятно – строителей-«рационализаторов») – нелепый балкон на третьем этаже, чуть ли не в половину длины фасада. Как вставная челюсть, да ещё с чуждой этому зданию покатою крышей, он выглядит нелепо. Ощущение его чужеродности только увеличивала облицовка светло-серым мрамором с претензией на «роскошь». На поверку этот неказистый мрамор, более уместный в подземных переходах, – просто дешёвый кич. Сейчас мрамор закрыт теми же зелёными плитками. А вот будет ли изуродованный фасад исправлен полным сносом балкона или его «облегчением» – сомнительно.

Первый этаж, где расположены только вход и технические помещения, занимает лишь половину «пятна» здания. Остальная часть площади – уличное пространство со сквозным движением, его поддерживают восемь дуопорных пилонов. Подобного в Кузбассе больше нет. Внутри здания сквозь все шесть этажей – опять же единственная в Кузбассе лестница без ступенек, пандус. Гениальная находка зодчих «Кузбассгражданпроекта» оказалась удивительно удобной – забегаешь на последний этаж и при этом ничуть не устаёшь. О необычности находки говорит уже то, что в большинстве язы-

ков мира само слово «лестница» производно от слова «ступень», например английское staircase от stair. Несколько лет назад был облагорожен объём зала заседаний: его железобетонная «наружность» была обшита алюминиевыми плитами. То же самое сделали с лифтовыми башнями. Конечно, подобные приёмы изменили стиль здания с модернизма на хай-тек, но выглядят они неплохо, равно как и массивный объём зала приёмов из затемнённого стекла.

Правда, замысел конца 1970-х гг. до конца так и не реализован. Северное крыло здания продолжает длинный стилобат, в котором прячется подземный гараж, где хранилась единственная в городе «Чайка» (увы, проданная какому-то междуреченцу). В его оконцовке планировалось возвести ещё один четырёхэтажный корпус-куб. Тоже весь стеклянный. Но он так и не появился – может, и дойдут руки со временем.

И возвращаясь к пресловутому фонтану... Задание на проектирование фонтана изначально было дано на каскадный фонтан, но Кузбассгражданпроект от него отказался, сославшись на отсутствие специалистов. И тогда задание было передано главному архитектору города Александру Выпову. Он переделал весь проект благоустройства, и к площади подвели мощные трубы. Но в итоге вместо большого каскада, идею которого Выпов почерпнул у проекта фонтана перед зданием Совмина Казахстана в Алма-Ате, в начале 1990-х гг. был сооружен фонтан турецкими строителями и по их проекту, несколько несоразмерному площади. Любопытно, что позже сооружение было декорировано не чем иным, как рисунками... Томской писаницы эпохи неолита, что находится вблизи Кемерово.

Сделаем выводы. Здания власти нашего города в своём облике неизменно отражали политику государства и всегда являли собой его ведущий архитектурный стиль: казначейство 1780 г. – барокко, городская дума 1877 г. – казённый стиль, Народный дом на рубеже эпох – модерн, горсовет 1948 г. – сталинские неоклассицизм, горком партии конца 1970-х гг. – брутализм, а мэрия конца 1980-х – модернизм.